

УДК 304.4

С.Т. Сагитов

О ПРИНЦИПАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Анализируются принципы культурной политики, провозглашенные в «Основах государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента РФ. Анализ принципов государственной культурной политики показывает, что они в большей степени носят декларативный характер и несут оттенок идеальных или даже утопических. Можно говорить о том, что это исходит из самого понимания культурной политики, утвержденного в том же документе, ибо именно из-за того, что в базовом определении культурной политики достаточно много спорных моментов, принципы также несут в себе элементы сомнения в их реальности и точности.

Анализируется состояние духовной сферы по отношению к экономической и утверждается отставание развития культуры от технических нововведений. При этом подчеркивается, что только целостное, комплексное развитие общества, без выделения какой-либо отдельной сферы жизнедеятельности человека, позволит обеспечить и дальнейший технико-экономический прогресс. Обосновывается вывод о том, что в современном российском социуме основным социальным институтом, влияющим на сферу культуры, является государство, что обусловлено наличием более развитой инфраструктуры, ресурсов, технологий и механизмов воздействия, в сравнении с другими социальными институтами. Особо подчеркивается, что игнорирование внутренней самореализации культурной жизни будет оказывать отрицательное влияние как на реализацию государственной культурной политики, так и на развитие общества в целом.

Ключевые слова: культурная политика, принципы культурной политики, социальные институты, государство, социальное неравенство, отставание культуры.

Прежде чем перейти к анализу принципов государственной культурной политики, определим, что под культурной политикой в рамках данной статьи мы будем понимать действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей. Это определение культурной политики дано в «Основах государственной культурной политики» [1] (далее – Основы).

Предложенное понимание культурной политики, на наш взгляд, имеет два спорных момента:

1. В определении основное внимание уделено механизму достижения целей. При этом не обозначены ни субъект, ни объект культурной политики, ни выполняемые ими роли и задачи. Представляется, что это несколько сужает понимание социальной стороны процесса культурной политики.

© Сагитов С.Т., 2016

Сагитов Салават Талгатович – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет», e-mail: nasibullin@inbox.ru.

2. Органы государственной власти априори определены в качестве основного субъекта культурной политики. Мы рассматриваем управление как субъектно-субъектный процесс и исходим из того, что все участники процесса равновелики в процессе управления, нет более главного и менее важного участника процесса. И, несмотря на то, что возможности, методы, механизмы, ресурсы у каждой социальной группы разные, каждый участник стремится достичь своих целей и задач.

Безусловно, подходов к пониманию культуры и соответственно культурной политики в отечественной социологии достаточное количество [2–4] и каждый из них имеет право быть, однако данное определение культурной политики взято нами исходя из того, что дальнейшему анализу будут подвержены принципы культурной политики, закрепленные именно в Основах. Это позволит в большей степени объективно рассмотреть пять основных принципов государственной культурной политики Российской Федерации.

В качестве первого принципа государственной культурной политики обозначено территориальное и социальное равенство граждан, в том числе граждан с ограниченными возможностями здоровья, в реализации права на доступ к культурным ценностям, участие в культурной жизни и пользование организациями культуры [1]. Возможно ли его соблюдение? Увы, нет. Сегодняшние реалии не позволяют соблюдать этот действительно важный принцип в повседневной жизни, причем как территориальное, так и социальное равенство.

Возможно, в небольших странах (например, странах Европы) соблюдение территориального равенства и осуществимо. Однако такая огромная страна, как Россия, с неравномерно освоенной территорией, концентрацией населения, разности в часовых поясах, изначально предполагает, что участие в культурной жизни, объективно будет совершенно разным, как из-за расположения объектов культурной инфраструктуры, так и из-за менталитета социальных общностей проживающих на разных территориях, из-за особенностей субкультур и т.п.

Более того, совокупность этих факторов может привести к тому, что на разных территориях одна и та же субкультура, причем в одно и то же время будет иметь разный вес, значение и статус, ибо как только определенная культура «...достигает полного развития, начинает формироваться следующая, предназначенная в короткой или длительной борьбе заменить первую» [5, с. 436–437]. Передовые постановки, например в Москве, будут не в полной мере восприняты и идентично трактованы жителями удаленных от центра территорий. Равно, как и фольклор, источником которого и по сей день является сельское население, будет неоднозначно воспринят в молодежной среде.

Кстати, даже в странах Европы, или в отдельных регионах нашей страны, и даже в одном муниципальном образовании доступ к культурным ценностям совершенно разный. Например, в Баймакском районе Республики

Башкортостан на территории 5631 км² в 92 населенных пунктах (включая г.Баймак) проживают 57,23 тыс. чел. По итогам 2015 года на территории данного района расположены 55 домов культуры, 57 библиотек, 2 музея и одна детская школа искусств в райцентре. Понятно, что учиться в детской школе искусств, даже по географическому принципу, имеют возможность в большей части жители районного центра и максимум 4–5 близлежащих деревень. В то же время на удалении 40–45 км от райцентра в 44 деревнях проживает более трети жителей. Они изначально обделены в праве дать своим детям начальное музыкальное или художественное образование, даже несмотря на то, что уровень фактической обеспеченности учреждениями культуры от нормативной потребности составляет 215 %. Подчеркну, территориальное неравенство присуще любому региону, любому территориальному образованию. Взять, к примеру, один из центров европейской культуры – Австрию, в которой жители Вены или Зальцбурга имеют определенное преимущество перед жителями других городов или сел в доступе к культурным ценностям.

В одном из проведенных нами исследований мы задавали респондентам вопрос о роли государства как социального института в развитии сферы культуры [6, с. 113–115].

Из пяти предложенных вариантов ответов 56,3 % выбрали вариант, согласно которому государство при проведении культурной политики должно в первую очередь ориентироваться на мнение населения. Чуть более четверти опрошенных (25,6 %) убеждены, что государство должно выступать в роли проводника для представителей социума и формировать художественные и эстетические вкусы населения. Другие респонденты (8,8 %) считают, что в процессы развития культуры вмешиваться нет необходимости. Примерно столько же (8,8 %) выказали безразличие к проблемам культуры. Менее 1 % респондентов выбрали вариант ответа «другое».

Анализ ответов на этот вопрос по зональному признаку (Республика Башкортостан разделена на 6 зон, исходя в большей степени из особенностей природного и экономического характера; в соответствии с выбранной концепцией определены Зауралье, Центральная, Южная, Западная, Северо-Западная, Северо-Восточная зоны) позволяет заметить, что в зависимости от зоны разнятся и ответы [7, с. 13–28]. Так, к мнению населения предлагают прислушиваться 2/3 жителей Северо-Восточной зоны, 63 % – жителей Зауралья и Северо-Запада, 58 % Западной зоны, 52 % – Южной и всего 48 % респондентов Центральной зоны. Отметим, что процент респондентов, выбравших этот вариант ответа, прямо противоположен доле городского населения в зональном распределении республики.

Следующий аспект первого принципа, который вызывает определенные сомнения – социальное равенство граждан в доступе к культурным ценностям. Если территориальное равенство и возможно к осуществлению, но только в да-

лекой-далекой перспективе, то социальное равенство в доступе к культурным ценностям, равно как и само социальное равенство, невозможно в любой социальной общности. Да, развитие средств массовой информации, средств коммуникации приближает возможность доступа к культурным ценностям различных социальных групп. Но только приближает. Сегодня, не проживая в Уфе, можно посетить сайт Уфимского музея антропологии и этнографии и в результате виртуальной экскурсии ознакомиться с экспозицией, в том числе со знаменитой коллекцией «Золотых оленей». Но разве это будет равноценным посещению выставки. Это можно сравнить с ситуацией в медицине, когда больным предлагается вместо оригинального лекарства дженерик – вроде бы для общего поддержания здоровья в определенном состоянии достаточно, но для лечения в максимально короткие сроки и без побочных явлений, как правило, нет.

Люди при рождении сразу находятся в неравных условиях, здесь и гендерные различия, и этнические, и собственно социальные и самые разные, по которым можно классифицировать общество на социальные группы. И социальное неравенство обусловлено ограниченностью ресурсов. Поэтому и необходимо социальное управление как таковое, для максимально возможного нивелирования изначально заложенного социального неравенства, в том числе в доступе к культурным ценностям. Ведь именно управление, будучи социальным процессом, представляет совокупный результат деятельности по стабилизации и оптимизации определенной социальной системы. И среди основных функций управления выделяют и корректирующую и удерживающую отклонения в определенных пределах [8, с. 121–142].

Для того чтобы наглядно показать разницу во взглядах населения в зависимости от социального неравенства, обратимся вновь к результатам нашего социологического исследования и рассмотрим ответ на тот же вопрос о роли государства в проведении культурной политики [6, с. 141–148]. Возраст, уровень образования, равно как и социальное положение, играют значимую роль в разнице взглядов населения на данный вопрос.

Так, прослеживается четкая тенденция, согласно которой доля людей, считающих, что государство должно проводить культурную политику согласно интересам населения растет в зависимости от возраста респондентов: 50 % опрошенных в возрасте до 30 лет, 56 % в возрасте от 30 до 50 лет и 63 % в категории людей старше 50 лет.

Обратная картина прослеживается среди тех, кто считает, что культура может развиваться сама. Чем моложе респонденты, тем больше доля тех, кто убежден в первичности саморазвития культуры: от 6 % среди представителей старшего поколения и 9 % среднего, до 11 % у молодежи.

Примерно одинаков процент тех, кто видит в государстве источник формирования художественных вкусов населения: у людей старшего и среднего поколения – около четверти респондентов и 28 % среди молодежи. Каж-

дый одиннадцатый человек, вне зависимости от своего возраста (с учетом ошибки выборки), выразил безразличие к проблемам культуры.

На рисунке наглядно показано описанное нами соотношение ответов по трем возрастным категориям (вариант «Другое» ввиду его незначительности не был отражен).

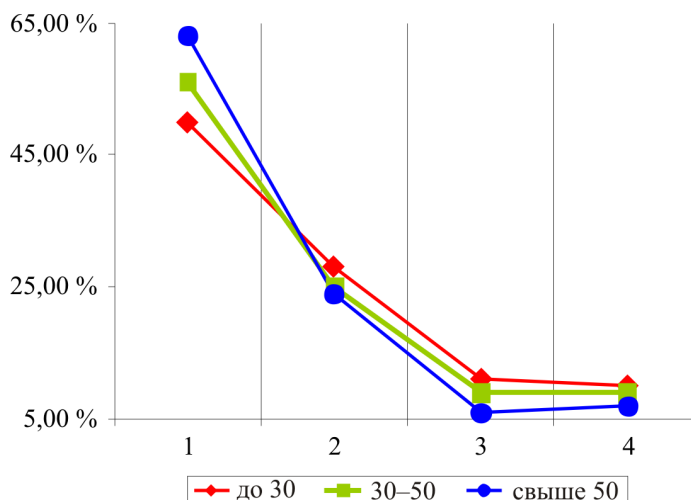

Рис. Распределение ответов о развитии сферы культуры в зависимости от возраста респондентов

В зависимости от уровня образования ответы распределились следующим образом. Минимум безразличия к проблемам сферы культуры предсказуемо выразили респонденты с высшим образованием – 2 %. Среди опрошенных без высшего образования (со средним образованием и образованием ниже среднего) доля колеблется в зоне 8–9 %. Также по 8 % среди респондентов, не имеющих высшего образования, считают, что вмешиваться в процесс развития культуры не следует. Представителей с высшим образованием, придерживающихся данной точки зрения, чуть больше – около 10 %.

Мнения же, что первичная роль в проведении культурной политики должна принадлежать населению, придерживается половина респондентов с высшим образованием, 58 % – со средним и 55 % – ниже среднего. И, наконец, доля тех, кто отводит государству главенствующую роль в формировании вкусов населения, растет с повышением образования – от 14,7 % у людей с образованием ниже среднего, 23 % – у лиц со средним образованием, до трети респондентов, имеющих высшее образование.

Таким образом, первый принцип государственной культурной политики, предложенный в Основах, в большей степени носит декларативный характер, поскольку его реализация в практической жизни не возможна и в лучшем случае он может считаться «идеальным принципом развития культуры».

Что действительно важно в первом принципе, это тот факт, что в нем подчеркнута равенство к доступу к культурным ценностям и людей с ограниченными возможностями. Ибо ранее о людях этой категории в аналогичного рода документах предпочиталось не упоминать.

Второй принцип, обозначенный в Основах, гласит об открытости и взаимодействии с «другими народами и культурами, представлении об отечественной культуре как о неотъемлемой части мировой культуры» [1]. Представляется, что главная сложность в данном случае – определение отечественной культуры. В общих положениях Основ даны определения понятий «культура», «культурная политика», «субъекты и объекты государственной культурной политики», «культурная деятельность», «духовная сфера», «менталитет российского народа», «культурное наследие» и т.д, но понятия «отечественная культура» нет. Если под отечественной культурой, анализируя основные формулировки терминов из Основ, понимать материальное и нематериальное наследие как русского, как основополагающего народа нашего государства, так и других народов, то вроде бы вопросов не должно возникать. Но они есть.

Кто это – другие народы? Проживающие в других странах и не представленные в нашей стране? Тогда понятно. Но ведь есть народы, родиной которых являются другие страны, но культура которых не только связана с российской культурой, но и определяла или определяет ее. Например, творчество великого азербайджанского певца Муслима Магомаева или эстонского Георга Отса, или же известного отечественного режиссера киносказок Александра Роу, мама которого была гречанка, а отец – ирландец. Или те традиции и обычаи, которые привнесли представители народов, проживающих в России, но прародиной которых являются другие страны. Своего рода культурный габитус. Именно поэтому, представляется, во избежание различного рода спекуляций в Основах необходимо было дать определение понятию «отечественная культура». И даже более. В одном из основополагающих принципов подчеркнуть, что отечественная культура складывается из материального и нематериального наследия русской культуры и культуры народов, проживающих на территории Российской Федерации. Ведь всем понятна ведущая роль русской культуры, русского языка и литературы в развитии не только всей отечественной культуры, но и более того, культур народов, проживающих на территории страны. Строки народного поэта Башкортостана Мустая Карима в поэтической форме отражают это:

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен...

И полюбил я силу в человеке,
И научился радость жизни брать.
За это все, за это все – навеки
Тебе я благодарен, русский брат.

Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил,
Ты мой народ, для радости народа,
С народами другими породнил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Десятку жизней может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь [9].

Возвращаясь от поэтических отступлений, перейдем к третьему принципу государственной культурной политики, задекларированному в Основых: соответствие экономических, технологических и структурных решений, принимаемых на государственном уровне, целям и задачам государственной культурной политики [1].

Очень важный принцип, еще и с учетом того, что не только на практике, но даже в теории культура и духовная сфера в целом, всегда находится в роли догоняющей к экономике и технологиям. Более подробно данный аспект рассмотрен в одной из наших работ [10], здесь же хотелось бы отметить следующее. Сфера культуры постоянно и безнадежно отстает в своем развитии от технических нововведений. Разработанная американским социологом В. Огберном теория «культурного отставания» показывает, что культурные ценности и нормы меняются, по сравнению с техническим прогрессом, несравненно медленнее и не поспевают за прогрессом последнего [11, 13, 14]. Согласно данной теории в момент времени t^1 происходят технические изменения. Культурные же ценности и нормы достигают соответствующего изменения много позже – в момент времени t^2 .

Казалось бы, что в этом страшного, если эти процессы повторяются от цикла к циклу и носят постоянный характер. Может быть, страшного ничего и нет, но одна опасность здесь присутствует всегда. Между моментами t^1 и t^2 остается маргинальный период времени, так называемое «состояние без норм», своего рода дюркгеймовская аномия. Этот период времени несет в себе двойную опасность. Во-первых, в его ходе разрушается существовавшая ранее система ценностей. Во-вторых, и это наиболее значимо, длительность этого времени. Чем дольше будет длиться период между t^1 и t^2 , тем больше возможности для деформации общества, что неизменно повлечет за собой замедление развития всего общества, ибо наступление следующего момента технических изменений (назовем его t^{11}) произойдет в гораздо поздние сроки. Следовательно, только це-

лостное, комплексное развитие общества, без выделения какой-либо отдельной сферы жизнедеятельности человека (например, экономики), позволит обеспечить и дальнейший технико-экономический прогресс. Как не может хромой человек быстро и равномерно двигаться вперед, так и общество, которое будет «волочить» сферу культуры за экономикой не сможет прогрессивно развиваться опережающими темпами. Поэтому следующий момент времени t^{11} , когда должен наступить очередной технический прорыв, напрямую зависит от времени t^2 .

Понимание этих взаимосвязей, видимо, и подтолкнуло разработчиков Основ к включению данного принципа. Вместе с тем на практике с сожалением приходится констатировать и то, что и в современной России все чаще слышны послы о сверхсуперпервичности экономики и промышленности. Хотелось бы еще раз отметить, что никто и не ставит под сомнение важность развитой промышленности. Но промышленность не может развиваться сама по себе. В отрыве от общества, от науки, в конце концов. Поэтому начинается «дележ науки»: одну (в большей части прикладную) науку будем поддерживать, ибо она может дать быстрый финансовый результат, вторую (в большей части гуманитарную) пока не будем, ибо она слишком затратна и никакой прибыли не дает, а третью (в большей части фундаментальную) финансировать тоже надо с осторожностью, ибо никаких гарантий в положительном исходе исследований никто дать не может. При этом забывается, что даже отрицательный результат в науке – тоже результат. Забывается и то, что интенсивный рост или, как принято говорить, прорывные технологии неожиданно дают именно результаты фундаментальных исследований.

Следующие два принципа, обозначенные в Основах, гласят о свободе творчества и невмешательстве государства в творческую деятельность и делегировании государством части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам [1].

Сразу заметим, с учетом того, в нашей стране в системе финансирования культуры в России по-прежнему превалирует прямое бюджетное финансирование, то именно государство является и инвестором, и меценатом, и соинвестором. Так, согласно данным ФГУП «Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации» в 2014 году доля бюджетного финансирования в общем объеме финансовых поступлений составила в театрах 73,1 %, концертных организациях – 78,6 %, музеях – 80,2 %, детских школах искусств – 91,1 %, культурно-досуговых учреждениях – 91,2%, библиотеках – 98 %. При этом доля именно благотворительных пожертвований, а не заработанных учреждениями культуры денежных средств, колеблется от 0,6 % в библиотеках до 2,2 % в музеях и 5,1 % в детских школах искусств (которые часто трактуются как «помощь родителей»)¹. Но даже не это главное. Если бы

---

¹ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=194820;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.8625914988199958>.

речь шла, допустим, о строительстве велодорожек и доли бюджетного финансирования в этом процессе. Но речь идет о культуре – духовной составляющей деятельности государства. Современное общественное развитие говорит о том, что элементы и формы духовной культуры являются не просто объектами изучения и платонического внимания. Они являют собой средства агитации и пропаганды, продвижения определенных идеологических установок и концепций, отражающих интересы конкретной социальной группы, в данном случае тех, кто в данный момент времени находится у власти и представляет государство.

Именно поэтому о полном невмешательстве и свободе говорить, как минимум, наивно. Ведь именно государство, как институт политической власти, является регулятором производства, распределения и потребления культурных благ между людьми и социальными группами. При этом официально декларируемая цель этих процессов заключается в форсировании интеграции общества и его гармоничного социально-культурного развития. Государство в сегодняшних российских реалиях остается основным стратегическим инвестором культуры, что, кстати, отражено в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (далее – Стратегия), утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р². И именно государство обозначило свои приоритеты развития, в том числе и в сфере культуры. Основой же определения векторов стратегического развития в культурно-духовной сфере служат (или должны служить) как общий уровень социально-экономического развития, как историко-географические традиции, так и состояние культуры как таковой на определенный момент времени. Поэтому вышеуказанные принципы, с учетом того, что «происходит за окном», нереализуемы.

Четвертый принцип вторит одному из трех принципов культурной политики, определенных Дж. Лоусоном, – отказ государства от установления приоритетов в развитии искусства, ввиду того, что навязывание своих убеждений кому бы то ни было, как юридическим, так и силовым путем, категорически исключается [1, 12]. Выше мы уже привели мнения населения по этому поводу и напомним, что четверть респондентов убеждены как раз в обратном. Культура – гигантский социокультурный аппарат. И в обществе, где роль государства как социального института гипертрофирована, невозможно на практике реализовать вышеуказанные подходы.

Кстати, базовый принцип Лоусона – принцип самоценности искусства, который выражается в необходимости его беспрепятственного развития для духовного здоровья общества, ибо искусство существует только во имя самого себя и «в цивилизованной стране государство просто обязано создавать условия для существования искусства», также является продуктом теоретических изысканий. Ведь, несмотря на то, что «...духовная культура по отношению к

---

² <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=194820;fld=134;dst=1000000001,0;md=0.8625914988199958>.

отдельной личности, социальной группы существует как нечто объективно данное...», при этом та же культура «...будучи воспринятой и усвоенной, “опредмечиваясь” в практической деятельности личностей, социальных групп она органически входит в систему их жизнедеятельности, их мировоззрения, на основе которого культура становится элементом практической деятельности людей как социальных субъектов» [12, с. 7].

Роль культуры и значение культурного продукта не должно находиться только в рамках духовной сферы. Наоборот, вырабатывая, формируя общественное сознание, культура как целостная система гуманистических ценностей способствует и дальнейшему развитию материального производства, улучшению социально-экономических показателей, на которые так ориентированы современные органы государственной власти всех уровней.

Подводя итог анализу принципов государственной культурной политики, утвержденных в «Основах государственной культурной политики», можно констатировать, что они в большей степени носят декларативный характер, причем зачастую имеют оттенок «идеальных» или даже утопических. Здесь же хотелось бы отметить и тот факт, что вышеуказанные принципы в основе своей вытекают из понимания культурной политики, утвержденного в том же документе – «Основах государственной культурной политики». Очевидно и другое: именно из-за того, что в базовом определении культурной политики достаточно много спорных моментов, принципы также несут в себе элементы сомнения в их реальности и точности. Можно отметить, что как минимум один из принципов – принцип невмешательства государства – вступает в прямое противоречие с определением культурной политики, в котором четко говорится о последней как о действиях, осуществляемых, в том числе, органами государственной власти.

Вышеприведенные суждения, подкрепленные как результатами собственных изысканий, так и анализом работ отечественных и зарубежных исследователей проблем развития культуры, позволяют сделать *следующие выводы*:

1. Культура, как и любая сфера общественной жизни, имеет собственную логику и внутренние законы развития. Культурная политика будет продуктивной в том случае, если она не препятствует внутренней самореализации сферы культуры. Игнорирование же внутренней самореализации культурной жизни будет оказывать отрицательное влияние как на ход реализации государственной культурной политики, так и на развитие общества в целом.

2. В современном российском социуме основным социальным институтом, влияющим на сферу культуры, является государство, что обусловлено наличием более развитой инфраструктуры, ресурсов, технологий и механизмов воздействия, в сравнении с другими социальными институтами. При этом успешная реализация государственной культурной политики предполагает четкое определение принципов и приоритетов во всевозможных программах, концепциях развития культуры и культурной политики.

Список литературы

1. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ № 808 от 24 декабря 2014 г. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>.
2. Генисаретский О. Культурная политика: не сегодня, скорее, завтра // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 6. – С. 42–44.
3. Жидков В.С. Государственная культурная политика // Ориентиры культурной политики. – 2001. – № 6. – С. 27–30.
4. Флиер А.О. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 14–25.
5. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. Западноевропейская социология XIX – начала XX века / под ред. В.И.Добренькова. – М., 1996. – 480 с.
6. Сагитов С.Т. Социальные проблемы управления сферой культуры. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 161 с.
7. Исянбаев М.Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан: проблемы формирования и развития: учеб. пособие. – Уфа, 1995. – 182 с.
8. Насибуллин Р.Т., Бикметов Е.Ю. Социология управления. – Уфа, 2005. – 178 с.
9. Не русский я, но россиянин [Электронный ресурс]. – URL: <http://f13.ucoz.net/publ/6-1-0-29>.
10. Сагитов С.Т. Об «отставании» культуры [Электронный ресурс] // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Т. 2, № 6. – URL: http://kprj.iprproao.ru/archive/2015/6_2_2015.pdf.
11. Асп Э.К. Введение в социологию / пер. с финн. М. Аалто и П. Саари. – СПб.: Алетейя, 1998. – 250 с.
12. Лоусон Дж. Культурная политика в Голландии // Театр. – 1990. – № 6. – С. 147–149.
13. Дмитриевский В.И. Культурная политика: между прошлым и будущим // Искусство и социальная психология: сб.ст. – М., 1996. – С. 118–149.
14. Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. Социология управления: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 270 с.

References

1. Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki (Utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF) [The basis of the state cultural policy]. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>
2. Genisaretstskii O. Kul'turnaia politika: ne segodnia, skoree, zavtra [Cultural policy: not today, probably tomorrow]. *Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie*, 2007, no. 6, pp. 42–44.

3. Zhidkov V.S. Gosudarstvennaia kul'turnaia politika [State cultural policy]. *Orientry kul'turnoi politiki*, 2001, no. 6, pp. 27–30.
4. Flier A.O. O novoi kul'turnoi politike Rossii [About new cultural policy in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1994, no. 5, pp. 14–25.
5. Zimmel G. Konflikt sovremennoi kul'tury. Zapadnoevropeiskaia sotsiologiya XIX – nachala XX vekov [The Conflict of Modern Culture. Western Sociology of XIX – beginning of XX centuries]. Ed. by V.I. Dobren'kov. Moscow, 1996. 480 p.
6. Sagitov S.T. Sotsial'nye problemy upravleniia sferoi kul'tury [Social problems of management of the cultural sphere]. Moscow, RAGS Publ., 2002. 161 p.
7. Isianbaev M.N. Ekonomicheskie podraiony Respubliki Bashkortostan: problemy formirovaniia i razvitiia [Economic subdistricts of the Republic of Bashkortostan: formation and development problems]. Ufa, 1995. 182 p.
8. Nasibullin R.T., Bikmetov E.Iu. Sotsiologiya upravleniia [Sociology of Management]. Ufa, 2005. 178 p.
9. Ne russkii ia, no rossiianin [I'm not Russian, yet a citizen of Russia]. Available at: <http://f13.ucoz.net/publ/6-1-0-29>.
10. Sagitov S.T. Ob «otstavanii» kul'tury [About “the lag” of culture]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2015, vol. 2, no. 6. Available at: http://kpj.ippporao.ru/archive/2015/6_2_2015.pdf.
11. Asp E.K. Vvedenie v sotsiologiu [Introduction to sociology]. Ed. by M. Aalto and P. Saari. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 250 p.
12. Lawson G. Dutch cultural policy. *Teatr*, 1990, no. 6, pp. 147–149.
13. Dmitrievskii V.I. Kul'turnaia politika: mezhdou proshlym i budushchim [Cultural policy: between the past and the future]. *Iskusstvo i sotsial'naiia psikhologiya*. Moscow, 1996, pp. 118–149.
14. Zborovskii G.E., Kostina N.B. Sotsiologiya upravleniia [Sociology of management]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 270 p.

Получено 08.04.2016

S.T. Sagitov

ON THE PRINCIPLES OF STATE CULTURAL POLICY

The article analyzes the principles of cultural policy enshrined in Principles of State Cultural Policy ratified by the Russian Federation Presidential Decree № 808 of December 24, 2014.

The analysis of state cultural policy principles demonstrates that they are mostly declarative, theoretic and even utopian by their nature. This may come from the conception of cultural policy affirmed in the document. Due to the fact that the basic definition of cultural policy includes several controversial issues, the principles also appear doubtful in their accuracy and feasibility.

The article examines the status of the spiritual realm in relation to the economic and cultural development, and states the lag of culture behind technological innovations. Among other things, it is emphasized that further technical-and-economic progress can only be achieved by means of complex social development without focusing on any particular life sphere. The government of the Russian Federation is proved to be the main social institution of the country, which influences cultural sphere, as it possesses a well-developed infrastructure, more resources, technologies and regulation mechanisms than other institutions.

Special emphasis is laid on the fact that ignoring self-realization of cultural life is sure to negatively influence both cultural policy implementation and the development of the society in general.

Keywords: *cultural policy, cultural policy principles, social institutions, state, social inequality, cultural lag.*

Sagitov Salavat Talgatovich – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Dept. of Sociology and Social Technologies, Ufa State Aviation Technical University, e-mail: nasibullin@inbox.ru.